

Три «кита» «МЕЛОДИИ» в океане жалоб

В «Мелодию» нашего корреспондента привели письма: читатели ждали ответа на вопросы, связанные с работой фирмы. Прокомментировать их согласился генеральный директор Всесоюзной фирмы граммофонных пластинок «Мелодия» — таково ее полное наименование — Валерий СУХОРАДО.

Мы условились, что поговорим о грех «китах», на которых поконится «Мелодия»: о производстве, репертуаре и реализации. Но так получилось, что встретились через неделю после опубликования статьи режиссера Марка Захарова «Аплодисменты не делятся» («ЛГ» от 31 июля 1985 г.). Статья была еще, как говорится, на слуху, но главное — многие проблемы, волнующие театр, неожиданно оказались близки и фирме грампластинок.

Вначале вспомнили: на апрельском пленуме ЦК партии говорилось, что «в большинстве отраслей научно-технический прогресс протекает вяло...» и что «нужны революционные сдвиги — переход к принципиально новым технологическим системам...».

— Наша задача, — сказал Валерий Васильевич, — сделать все, чтобы качество было высоким. Это «все» начинается с первого «кита» — производства: без технического перевооружения предприятия мы ничего не добьемся. Парадокс заключается в том, что в отечественной грампромышленности почти нет ответственного оборудования: к тому же 40 процентов имеющегося действует больше 20 лет. Начало начал — запись, студийная аппаратура: от микрофонов до пульта: у нас нет аналогов лучшим зарубежным образцам. Прессы, которые изготавливают пластинку, — и их закупает за границей. В 1978 году мы заказали прессы одесскому объединению «Прессмаш», получили 14 штук: четыре года не можем их использовать — не отвечают требованиям... Это не все — есть и другие беды. Возьмем сополимер ВА-15, из которого делается пластинка: недопоставки поставили. Или: мы делаем конверты из так называемого финского хромэраца — плотных сортов бумаги, они позволяют краскам ложиться нормально. В стране построено два завода — Обуховский и Ленинградский, которые должны производить для нас бумагу нужного качества. Должны... Простое дело — клей. А клей из Кировска не держит — конверты расклеиваются. И т. д.

Мы производим еще и магнитофонные кассеты — это особый разговор. Но никто наш кассету на хороший магнитофон не поставит. Пленка, которую изготавливает Шосткинское объединение, по всем характеристикам значительно уступает лучшим образцам. Вот фраза из заключения лаборатории: «Среди лент, выпущенных на мировом рынке, испытанная лента относится к низшему классу». Ну как работать?

— Трудно, Валерий Васильевич, но перейдем ко второму «киту»: читатели критикуют репертуар «Мелодии» — нет многого, чего хотелось бы. Мы внимательно изучили письма читателей, которые вы передали. Жалуются, что нет песен времен революции и гражданской войны. Да есть они! Нет песен Великой Отечественной войны. Тоже выпускаем постоянно. Нет старинных русских романсов. Тоже выпускаем. Парадокс же заключается в том, что читатели жалуются правильно. Тут мы должны сказать о третьем «ките» — реализации. Но вначале о другом.

— Мы работаем по репертуарному плану, утвержденному Министерством культуры СССР. Он составляется на два года и учитывает пожелания Союза композиторов, Союза писателей, министерств культуры республик и т. д. Мы актуализируем в нем все лучшее: около тысячи новых записей в год, что составляет, по положению, только 5 процентов от всего количества выпускаемых в год пластинок. Что такое 5 процентов? Около 6 миллионов штук.

Обратите внимание: у «Мелодии» всего 33 фирменных магазина, а еще 35 тысяч торговых точек по стране занимаются продажей пластинок.

— Займемся арифметикой. Если вы имеете право на тысячу новых записей в год при общем тираже 6 миллионов экземпляров, то средний тираж каждой новой пластинки — 6 тысяч. Но тогда ни одна новинка в тысячи торговых точек вообще не попадет — их ведь 35 тысяч?

— Не попадет. И это еще не вся беда: дело в том, что остальные 95 процентов мы имеем право выпустить только по заказу торговли. И если продавец новой пластинки не видел, он ее и не закажет. И покупатели, услышав от кого-то о новой записи, будут тщетно обивать пороги. Где-то нет, а где-то залежи: не берут. До слез обидно, кого не берут. Вот на Арбате открылся магазин уцененных пластинок. И среди тех, кого не берут, есть и ведущие композиторы, и ведущие солисты. Все — по 20 копеек с молотка. И...

— Минуту! Пластинка не поступила, заказа на нее не дали, и получается так, что на Арбате в Москве она идет по 20 копеек с молотка, а в Благовещенске...

как раз тех, о чьей записи очень печется их поклонники. Тиражировать пошлость, безвкусицу, безграмотность, безголосицу?..

Вообще, могу сказать одно: эстрадный репертуар «Мелодии» точно отражает положение дел на нашей эстраде. И когда Захаров говорит, что «драматургические шедевры упрямо не хотят возникать равномерно и поквартирно», это относится и к эстраде. Но если в какой-то период на эстраде шедевров нет, что прикажете делать «Мелодии»? Мы ведь фирма издателей — сами не сочиняем.

— Читатели жалуются и на качество: пластинка деформирована, «игла соскакивает», то запись нечеткая, в свое время закрывали Апрельский завод...

— Закрывали, и это послужило нам суровым уроком. Могу сказать, что критику мы учли, и такое не повторится. Но, к сожалению, качество зависит не только от нас. Приходилось в свое время закрывать Апрельский завод...

— Читатели жалуются и на то, что «Мелодия» выпускает мало эстрадных новинок.

— Нас за это критиковали и в прессе, только ни разу не было сказано, что конкретно мы упустили? Конкретно — понимаете? — кроме двух случаев, один из них — «Автограф». Но здесь не наша вина: ансамбль никак не найдет времени для записи пластинки-гиганта.

Нас еще упрекают в том, что мы не записываем некоторые самодельные ВИА. Тут вопрос особый: мы все-таки учреждение Министерства культуры и любую группу записывать не можем. Такие перлы мог бы вам привести из репертуара

— Ее днем с огнем не сыщешь. Все правильно. Там о ней продавцы, может быть, просто не знают. Да и продавец обычно ориентируется на свой вкус: «Дашь Леонтьева — продадим!»

И еще. Есть записи, про которые фирме точно известно: они будут пользоваться спросом. Ну зачем, скажите, выпускать Пугачеву в пределах 5 процентов — тиражом 10—15 тысяч, если точно известно, что после повторного заказа через полгода или год тираж будет миллионным? Почему сразу не выпустить больше тираж? Зачем создавать вольготные условия для спекулянтов?

— Захаров в статье писал и об этом: театру нужна самостоятельность. Вы ведь хозрасчетная фирма? Готовы вы взять риск на себя?

— Мы-то готовы, только кто нам дает?

— Читатели жалуются и на то, что «Мелодия» выпускает мало эстрадных новинок.

— Нас за это критиковали и в прессе, только ни разу не было сказано, что конкретно мы упустили? Конкретно — понимаете? — кроме двух случаев, один из них — «Автограф». Но здесь не наша вина: ансамбль никак не найдет времени для записи пластинки-гиганта.

Нас еще упрекают в том, что мы не записываем некоторые самодельные ВИА. Тут вопрос особый: мы все-таки учреждение Министерства культуры и любую группу записывать не можем. Такие перлы мог бы вам привести из репертуара

как раз тех, о чьей записи очень печется их поклонники. Тиражировать пошлость, безвкусицу, безграмотность, безголосицу?..

Вообще, могу сказать одно: эстрадный репертуар «Мелодии» точно отражает положение дел на нашей эстраде. И когда Захаров говорит, что «драматургические шедевры упрямо не хотят возникать равномерно и поквартирно», это относится и к эстраде. Но если в какой-то период на эстраде шедевров нет, что прикажете делать «Мелодии»? Мы ведь фирма издателей — сами не сочиняем.

— Читатели жалуются и на качество: пластинка деформирована, «игла соскакивает», то запись нечеткая, в свое время закрывали Апрельский завод...

— Закрывали, и это послужило нам суровым уроком. Могу сказать, что критику мы учли, и такое не повторится. Но, к сожалению, качество зависит не только от нас. Приходилось в свое время закрывать Апрельский завод...

— Читатели жалуются и на то, что «Мелодия» выпускает мало эстрадных новинок.

— Нас за это критиковали и в прессе, только ни разу не было сказано, что конкретно мы упустили? Конкретно — понимаете? — кроме двух случаев, один из них — «Автограф». Но здесь не наша вина: ансамбль никак не найдет времени для записи пластинки-гиганта.

Нас еще упрекают в том, что мы не записываем некоторые самодельные ВИА. Тут вопрос особый: мы все-таки учреждение Министерства культуры и любую группу записывать не можем. Такие перлы мог бы вам привести из репертуара

Сейчас вышла запись Тото Кутуньо, раздалися жалобы: игла соскакивает. Но дело в том, что на пластинке особая уплотненная запись, ее нельзя ставить на проигрыватели 2-го или 3-го класса — только высшего или первого.

Вот что еще получается из-за того, что пластинка считается товаром КБН. Наш план — на 270 миллионов рублей в год товаров КБН. Пластинка «серьезная» стоит 1 р. 45 к., эстрадная — 2 р. 50 к. И чтобы завод выполнил план «по товарам КБН», он должен «гнать» эстраду. Больше того, у нас есть план в штуках, что тоже нелепо. Мы понимаем, что формат 175 не пользуется спросом, но не можем выполнить план в штуках, выпускаем одни гиганты. — Производство не готово, поэтому мы выпускаем формат 175. А можно ведь сделать иначе: выпустить больше гигантов, которые стоят дороже. И эти 270 миллионов мы государству дадим, хотя и не дадим план в штуках.

А Всесоюзная студия грамзаписи имеет план «по стопорам» пластинок. Знаете, почему?

— Да, кстати, в ряде социалистических стран гонорар исполнителей зависит от тиража, у нас — нет. Это то, о чем говорит и Захаров, призывает различать спектакль-долгостай и спектакль-однодневку и напоминать о «потраченных» в случае крупного материального успеха сочинения. А ведь что такое миллионный тираж пластинок?

— Да, кстати, в ряде социалистических стран гонорар исполнителей зависит от тиража, у нас — нет. Это то, о чем говорит и Захаров, призывает различать спектакль-долгостай и спектакль-однодневку и напоминать о «потраченных» в случае крупного материального успеха сочинения. А ведь что такое миллионный тираж пластинок?

— Да, кстати, в ряде социалистических стран гонорар исполнителей зависит от тиража, у нас — нет. Это то, о чем говорит и Захаров, призывает различать спектакль-долгостай и спектакль-однодневку и напоминать о «потраченных» в случае крупного материального успеха сочинения. А ведь что такое миллионный тираж пластинок?

Потому что эта творческая организация принадлежит к предприятиям металлообработки 4-й группы.

— Есть у фирмы какие-то предложения по перестройке торговли пластинками?

— В торговле чем дальше, тем больше становится фирменных магазинов — «Океан», «Свет» и т. д. Преимущество их хорошо известны: высокая квалификация персонала, лучшая организация торговли и хранения и прочее. И «Мелодии» надо передать торговлю пластинками — для начала хотя бы в столицах союзных республик и крупных городах. В Москве больше ста торговых точек продает грампластинки вместе с другими товарами КБН — не лучше ли делать это в 5—6 фирменных, где будут только грампластинки?

Хочется, чтобы вы меня правильно поняли: мы показали вам и план ортехмероприятий, и другие документы, не скрывая ничего. Мы знаем свои недостатки и делаем все, чтобы их устранить. Но не все зависит от нас, и выступая в такой авторитетной газете, как «Литературная», я хотел зарекомендовать внимание именно на том, что мы сами исправить не можем, что зависит не от нас...

— Два последних вопроса. Правда ли, что отдельные исполнители и композиторы, чьи пластинки включены в план, лично договариваются с художниками об оформлении конвертов? Это правда?

— Не исключено...

— В чем дело?

— В ставках гонорара. Вот

— Да, кстати, в ряде социалистических стран гонорар исполнителей зависит от тиража, у нас — нет. Это то, о чем говорит и Захаров, призывает различать спектакль-долгостай и спектакль-однодневку и напоминать о «потраченных» в случае крупного материального успеха сочинения. А ведь что такое миллионный тираж пластинок?

ведь пишет Захаров, что система оплаты в драматическом театре зачастую носит чисто символический характер и плохо соотнобразуется с социалистическим принципом «оплаты по труду». Что некоторые оклады «не пересматривались десятилетиями». Что ставки их «невозможно опубликовать. Неудобно перед читателем». Но я все же опубликую некоторые ставки, действующие у нас.

Скажите, сколько может звучать какой-то опус пианист с мировым именем? День, неделю, месяц, год? Но получите от 12 рублей за минуту записи. И все.

— Однажды я присутствовала на записи Аллы Пугачевой: она 27 раз (я считала) повторила одну фразу — ее что-то не устроило.

— Сколько бы она или София Ротару ни бились над записью, они получат 9 рублей за минуту записи.

— Клавдия Ивановна Шульженко как-то рассказывала, что над «Тремя вальсами» она работала год: все не получалось, как ей хотелось. Сколько звучит оманс? Минуты четыре? И за год работы она получила бы 36 рублей?

— Увы. Таковы ставки, утвержденные давным-давно и с тех пор не пересматривавшиеся. К тому же тираж пластинок не учитывается при оплате исполнителя.

— Как же так? Пластинку, напечатанную второразрядным певцом, никто и знать не будет, для нее, может, и тысяча экземпляров много. А песня, исполненная В. Толкуновой или И. Кобзоном, может мгновенно стать шlagerом и разойтись миллионным тиражом. И исполнитель останется как бы ни при чем?

— Как же так? Пластинку, напечатанную второразрядным певцом, никто и знать не будет, для нее, может, и тысяча экземпляров много. А песня, исполненная В. Толкуновой или И. Кобзоном, может мгновенно стать шlagerом и разойтись миллионным тиражом. И исполнитель останется как бы ни при чем?

— Да, кстати, в ряде социалистических стран гонорар исполнителей зависит от тиража, у нас — нет. Это то, о чем говорит и Захаров, призывает различать спектакль-долгостай и спектакль-однодневку и напоминать о «потраченных» в случае крупного материального успеха сочинения. А ведь что такое миллионный тираж пластинок?

Больше того, скажу откровенно: «чисто символический характер оплаты» заставляет некоторых наших известных исполнителей избегать записываться в фирме «Мелодия». Есть такое понятие в гражданском праве — «упущенная выгода». Вот попробуйте подсчитать, во сколько обходится государству эта «упущенная выгода», хотя бы в цифровом выражении — я-то не берусь.

А теперь вернемся к вашему вопросу об оформлении конвертов. Художник, оформляющий красочный конверт пластинок, получает почти в два раза меньше, чем художник, нарисовавший обложку книги. Вот почему многие мастера не берутся за оформление конвертов, а ведь создатели пластинок заинтересованы именно в талантливом оформлении. Отсюда «личные контакты», о которых вы упоминали.

— И последнее: читатели жалуются, что «Мелодия» не отвечает на письма. Это-то уж никуда не годится, и постановления на этот счет известны, и сроки. Как же так?

— Тут наша вина, что скрывать... — вздохнул Сухорядо. — В самое ближайшее время положение поправим — можете передать это читателям. Не я оправдание, а в объяснение: в аппарате фирмы «Мелодия» всего 74 человека, включая уборщицу, на письма по штату положен один человек. А приходит их 12—15 тысяч в год — только нам, не считая тысяч, идущих на заводы, а студию грамзаписи, а Центральный Дом грампластинок. И еще: письмо письмо рознь. Спрашивают, например, когда выпущены такие-то и такие-то записи — следует длинный перечень. Чтобы ответить, надо пролистать все каталоги, на ответ уходит 4—5 часов...

— Как же так? Пластинку, напечатанную второразрядным певцом, никто и знать не будет, для нее, может, и тысяча экземпляров много. А песня, исполненная В. Толкуновой или И. Кобзоном, может мгновенно стать шlagerом и разойтись миллионным тиражом. И исполнитель останется как бы ни при чем?

— Как же так? Пластинку, напечатанную второразрядным певцом, никто и знать не будет, для нее, может, и тысяча экземпляров много. А песня, исполненная В. Толкуновой или И. Кобзоном, может мгновенно стать шlagerом и разойтись миллионным тиражом. И исполнитель останется как бы ни при чем?

Ирина ЮРБИЧ, Олег ТАБИКОВ, Анастасия ЗУЕВА, Марк ПРУДКИН, Михаил ХОМЯКОВ и Татьяна ДОРНИНА

«Мудрец» во МХАТе

Во МХАТе режиссер В. Шиловский возобновил «На единго мудреца довольно простоты» Островского — спектакль, поставленный почти полтора десятилетия назад В. Станицыным. Любопытно, что в знаменитой комедии (в театре ее называют коротко: «Мудрец») сейчас заняты три поколения артистов: Анастасия Платонова Зуева (Машенька) и Марк Прудкин (Прудкин), Татьяна Дорониная (Машенька) и Олег Табиков (Машенька), Ирина Юрвич (Машенька) и Михаил Хомяков (Прудков). Первой приехала Зуева — за полтора часа до начала.

— Я сегодня бледная такая... — сказала она, посмотрев в зеркало.

— Пленка не цветная...

— Все равно. — убежденно сказала Зуева, — актриса должна быть в таком виде, чтобы не срамиться. — и не разрешала снимать, пока не загримировалась: только заметила: — Я очень довольна, что Дорониная взяла роль. Великолепно играет!

— Анастасия Платонова, насколько актуальна была — в давние времена — ситуация «Мудреца»?

— Я знала людей, которые по нескольку раз смотрели его в Малом театре — еще тогда-то! — и говорили: все правда... Через полчаса приехал Прудкин и на тот же вопрос ответил так:

— Я родился и жил до революции в Илмю, под Москвой, и ситуацию «Мудреца» наблюдал у чиновных — в назначившемся, в земской управе...

А за пять минут до начала спектакля удалось снять всех шаптеры — уже в костюмах и гриме...

М. ГРИГОРЬЕВ
Фото автора

Григорий ЦИТРИНЯК